

ПРОСТОЕ ГЛАГОЛЬНОЕ СКАЗУЕМОЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ

Т. В. Сатина

Финансовый университет при Правительстве РФ

SIMPLE VERBAL SAID IN THE ARTISTIC CONTEXT

T. V. Satina

Financial University under the Government of the Russian Federation

Аннотация: тема статьи касается традиционной в русском языкознании проблемы соотношения предикативности и сказуемого. Несмотря на разногласия в определении сказуемого как одного из главных членов предложения, многие исследователи русского синтаксиса говорят о его ведущей роли в предложении. Они базируются на том, что именно сказуемое содержит показатели грамматического наклонения и времени, в которых, главным образом, выражается предикативность предложения. По этому вопросу суждения представителей различных направлений синтаксической науки, считающих сказуемое основным членом предложения, оказываются близкими. Распространено мнение, что предложение вообще невозможно без сказуемого, при этом сказуемость связывают преимущественно с глагольностью, что актуально и в наше время. Морфологическая составляющая сказуемого предопределяет его морфосинтаксические параметры. На эти базовые концепции и опирается автор статьи, освещая вопрос о простом глагольном сказуемом. Предметом исследования избраны особенности функционирования этого члена предложения в художественном тексте, а именно в языке и стиле А. Белого. Аннотируемая работа основывается на устоявшемся представлении о том, что семантика сказуемого прежде всего проявляется именно в личных формах глагола как непосредственных грамматических носителей значения лица, времени и модальности. В статье (что выступает в качестве цели) намечено несколько линий изучения простого глагольного сказуемого: в конструкции предложения (двусоставного и односоставного), в системе типов сказуемого (простого – составного и глагольного – именного), в художественном тексте (в романе А. Белого «Петербург»). В соответствии с поставленными целями использованы общенаучные и традиционные лингвистические методы: описательный метод с методикой наблюдения, который позволил выявить и затем описать простые глагольные сказуемые; структурно-семантический (при определении видов сказуемого); статистический (при количественной характеристике изучаемого члена предложения); методика сплошной выборки фактического материала. Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы работы (как теория, так и иллюстрации) могут быть с успехом использованы при обучении студентов и школьников. В ходе исследования достигнуты определенные результаты: выявлено содержательно-смысловое и функционально-грамматическое разнообразие конкретных реализаций исследуемого типа сказуемого; описано несколько особенных приемов употребления простого глагольного сказуемого автором романа; предпринята попытка выяснить системный статус этих явлений в языке и соответственно системный характер их функционирования в речи, а именно в целостном художественном тексте (методом сплошной выборки). Автор статьи приходит к выводу о том, что в ритмизованной прозе А. Белого, воплотившей его мечты о легкости, благозвучии, изяществе, нашли достойное место экспериментаторские находки в области синтаксиса, в частности, в конструировании предложений при помощи тщательно отобранных форм сказуемых. Доля простых глагольных сказуемых, внося лепту в изобразительный потенциал морфосинтаксических средств, весьма существенна в анализируемом тексте.

Ключевые слова: простое глагольное сказуемое, предикативность, морфологические категории, синтаксический анализ, художественный текст.

Abstract: *the topic of the article concerns the traditional problem of predicative and predicate relations in Russian linguistics. Despite the differences in defining the predicate as one of the main members of the sentence, many researchers of Russian syntax speak about its leading role in the sentence. They are based on the fact that the predicate contains indicators of grammatical mood and time, which mainly express the predicativity of the sentence. On this issue, the judgments of representatives of various branches of syntactic science, who consider the predicate to be the main member of the sentence, are close. It is widely believed that a sentence is impossible without a predicate, and predicate is associated mainly with verbality, which is still relevant in our time. The morphological component of the predicate determines its morphosyntactic parameters. The author of the article relies on these basic concepts, covering the question of a simple verb predicate. The subject of the research is the peculiarities of the functioning of this sentence member in the literary text, namely in the language and style of A. Bely. The annotated work is based on the well-established idea that predicate semantics is primarily manifested in the personal forms of the verb as direct grammatical carriers of the meaning of the person, tense, and modality. The article (which serves as a goal) outlines several lines of study of a simple verbal predicate: in the construction of a sentence (two-part and one-part), in the system of predicate types (simple – compound and verb – nominal), in a literary text (in the novel "Petersburg" by A. Bely). In accordance with the set goals, general scientific and traditional linguistic methods were used: descriptive method with observation method, which allowed to identify and then describe simple verbal predicates; structural and semantic (when determining the types of predicate); statistical (for quantitative characterization of the studied member of the sentence); method of continuous sampling of actual material. The practical significance of the research is that the materials of the work (both theory and illustrations) can be successfully used in teaching students and schoolchildren. In the course of the research, certain results were achieved: the content-semantic and functional-grammatical diversity of specific implementations of the predicate type under study was revealed; several special methods of using a simple verb predicate by the author of the novel were described; an attempt is made to find out the system status of these phenomena in language and, accordingly, the system nature of their functioning in speech, namely in a complete artistic text (by the method of continuous sampling). The author of the article comes to the conclusion that in the rhythmized prose of A. Bely, which embodied his dreams of lightness, euphony, and grace, experimental findings in the field of syntax, in particular, in the construction of sentences using carefully selected predicate forms, have found a worthy place. The share of simple verb predicates, contributing to the pictorial potential of morphosyntactic means, is very significant in the analyzed text.*

Key words: *simple verb predicate, predicativity, morphological categories, syntactic analysis, artistic text.*

Введение

В каждом художественном тексте складывается определенный набор грамматических моделей, правил сочетания слов, более всего отвечающих конкретным задачам текстообразования и отражающих эстетику и манеру письма автора произведения. Эти модели, сочетания служат не только синтаксическим каркасом, который при построении высказывания заполняется лексическим материалом и при оформлении предикативности превращается в полноценную коммуникативную единицу, но и становятся фактом синтаксической изобразительности, оказавшейся в последнее время в центре внимания филологов (см., например: [1]).

Взятые сами по себе, вне связи и взаимодействия друг с другом, эти синтаксические компоненты в большей или меньшей степени уже были предметом лингвистического изучения, но роман А. Белого «Петербург», еще не подвергавшийся полному синтаксическому анализу, дает богатый материал для исследования формы выражения предикативности, которая, к сожалению, стала восприниматься как рутинная, малоинтересная, – простого глагольного сказуемого.

Цель настоящей статьи – выяснить системный статус этих явлений в языке и соответственно системный характер их функционирования в речи, а именно

в целостном художественном тексте. Обращение к этой стороне простого глагольного сказуемого важно как в теоретическом, так и в практическом плане: исследовать язык в его целостности как сложную функциональную систему не представляется возможным без анализа взаимосвязанности различных его сторон. В то же время при овладении ресурсами языка возрастающую роль играют не только отдельные стилистические средства и приемы, но и совокупность этих средств в их реальном взаимодействии, т. е. системном функционировании.

Значение предикативности предложения заложено в самой конструкции предложения и не требует никаких дополнительных условий [2, с. 164]. Однако выявление формальных носителей предикативности является объективно сложной процедурой из-за нерешенности многих принципиально важных вопросов современного синтаксиса: реальность оппозиции двусоставных/односоставных предложений, соотношение сфер предикативности/сказуемости, сказуемости/глагольности, связь подлежащего и сказуемого в двусоставном предложении [2–8].

В разные моменты развития отечественной синтаксической науки вопрос о предикате/сказуемом получал многообразные решения. Значительный вклад в учение о сказуемом внесли корифеи отече-

ственной грамматики А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, М. И. Стеблин-Каменский. Важные идеи по теме содержатся в наследии В. В. Виноградова. Как конструктивный центр предложения сказуемое рассматривают авторитетные ученые XX–XXI вв. (Г. Н. Акимова, Т. Б. Алисова, В. В. Бабайцева, П. А. Лекант, Т. П. Ломтев, А. С. Попов, И. П. Распопов, О. Б. Сиротинина, Н. Ю. Шведова), в работах которых укореняется структурно-семантический подход к явлениям синтаксиса. На новом этапе типология сказуемого обретает черты функционального подхода (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, А. А. Зализняк). В то же время стала плодотворной интерпретация сказуемого в параметрах семантического синтаксиса и описание семантики предикатов (Н. Н. Арват, Т. В. Шмелева). В частности, поиск дополнительных классификационных признаков и объединение их с переработанными систематиками приводит к актуальной типологии пропозициональных предикатов, разработке классификационной сетки, применимой к описанию различных языков, в том числе русского (Т. Б. Алисова, О. Н. Селиверстова, Т. В. Булыгина, Э. В. Кузнецова, В. Г. Гак). При рассмотрении соотношения поверхностных и глубинных структур предложения научный синтаксис пополняется понятием семантического типа предиката, который, естественно, соотносят с семантической структурой предложения. Акцент на семантике, в свою очередь, порождает восприятие предиката как семантического центра предложения.

Вопрос о специализированных и неспециализированных средствах языкового выражения различных смыслов предложения, а следовательно и сказуемого, традиционно остается в проблемном поле грамматики, но роль глагола в формировании семантики предложения не подвергается сомнению, ввиду того что его семантика фактически определяет состав предложения. Глагол считается специфически предикативным словом (Ю. С. Маслов). Такое решение вопроса последовательно предлагается сторонниками вербоцентрического подхода к предложению (А. А. Дмитриевский, Л. Теньер, В. С. Храковский, А. А. Холодович, Ю. Д. Апресян, В. Г. Гак), выводящими структуру и семантику предложения из структурно-семантического типа предиката, что явственно прослеживается в глагольном сказуемом, которое и является **объектом** данного исследования. Изучение глагольного сказуемого актуально, так как данная форма главного члена предложения имеет широкую область использования в современном русском языке. Следовательно, справедливо предположить, что результаты нашего исследования естественным образом могут встроиться в нарратив сказуемого и восполнят некоторые лакуны в его теории и практике.

Поскольку в данной статье рассматривается глагольное сказуемое, его изучение предусматривает обращение к работам, посвященным глаголу (И. И. Мещанинов, Г. А. Золотова, Э. В. Кузнецова, А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Л. Г. Бабенко).

В русском языке с его развитой морфологической системой глагол, в концентрированном виде заключающий в себе значение динамического и статического признака, как никакая иная форма предназначен для выражения семантики предиката. Экспликация присущих глаголу синтаксических свойств происходит в речи. Широкие возможности для этого предоставляет экспериментаторский символистский роман А. Белого «Петербург», еще не подвергавшийся синтаксическому анализу, текст которого дает богатый материал для исследования этой формы выражения предикативности.

Не входя в частности безусловно интересных и актуальных дискуссий, которые могут быть оставлены нами в стороне без ущерба для решения поставленных в данной статье задач, отметим лишь несомненно решающую роль сказуемого (прежде всего простого глагольного) в построении предложений текста романа А. Белого «Петербург». Произведенная нами сплошная выборка показала необычайно высокую частотность этого типа сказуемого: на 1000 употреблений простого глагольного сказуемого приходится лишь около 100 составных глагольных, около 150 составных именных и до 10 комбинированных сказуемых.

Результаты исследования

В сказуемом выражаются основные категории предложения – модальность и время, поэтому в сказуемом (или его аналоге) заключается обязательный минимум предложения, которое может не иметь подлежащего. Сказуемое является конституирующим членом предложения. Центральная позиция сказуемого в предложении как коммуникативной единицы обусловлена именно тем, что в сказуемом, как правило, выражается сообщаемое. Например: ¹*Незнакомец не двинулся с места*; ²*очевидно, он ждал*, ³*как ждал Николай Аполлонович: ждал окончания дождика*; ⁴*вдруг он тронулся, вдруг попал в людской ток – в эти пары и в эти четверки*; ⁵*треуголка, блиставшая лоском, позакрыла его*; ⁶*беспомощно вытарчивал зонтик* [9, с. 319]; в сложном предложении несколько сообщений, и все они базируются на сказуемых: *незнакомец – не двинулся с места; он – ждал; он – тронулся, попал; треуголка – позакрыла; зонтик – вытарчивал*.

Существенно, что глагольное сказуемое в русском языке, обладающем развитой системой морфологических классов, выражает значение динамического признака в морфологических категориях и семанти-

ческих пределах, свойственных глаголу как части речи [10]. Наклонение, время и лицо, составляющие сущность глагола и одновременно опору основного синтаксического значения предложения – предикативности, получают идеальные условия воплощения именно в глагольном сказуемом.

В учении о предложении, сложившемся в русской синтаксической школе на основе классических трудов по грамматике академика В. В. Виноградова [3], утвердилось понимание того, что предикация выявляется в формах и элементах предложения, устанавливающих отношение называемых предметов и явлений действительности, в частности, в интонации, порядке слов, различных служебных словах, а особенно в формах личного глагола.

Именно глагол в личной форме считается предикативным центром в предложении глагольного строя, так как существенные предикативные значения выражаются через такие грамматические категории, как время и наклонение (категории лица и числа опосредуют соответствие значения подлежащего). Безличные глаголы и инфинитив, формируя односоставное предложение и не имея морфологических возможностей эксплицировать все указанные грамматические значения, ведут себя как типичное сказуемое, что позволяет нам, несмотря на распространенность в научной и методической литературе тенденции связывать сказуемое исключительно с двусоставным предложением (см., например: [11]), рассматривать глагольный главный член односоставных предложений как сказуемое. Это тем более оправдано в связи с усиливающимся в современной синтаксической науке стремлением игнорировать односоставные предложения в принципе, и тогда безличные глаголы и инфинитив вообще выпадают из системы и классификации как основообразующий компонент предложения (см., например: [5]).

Ввиду важности глагольного компонента в формировании структуры предложения сказуемое – один из возможных главных членов – ассоциируется прежде всего с глаголом: глагол-сказуемое способен репрезентировать все предложение. Образно и точно это свойство глагольного сказуемого определил сторонник вербоцентричности предложения С. Д. Кацнельсон: «В содержательном плане глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения» [7, с. 88].

Академик В. В. Виноградов, предупреждая о возможном смещении синтаксической теории сказуемости в сторону морфологизма, что ведет к полному отождествлению глагола со сказуемым, тем не менее указал на реальный источник такого уравнивания категорий словоформы с категориями предложения:

употребительность глагольных типов предложения и наглядность морфологического выражения глаголом самых существенных признаков предложения [3, с. 266].

Допуская известное упрощение проблемы, можно все же констатировать, что в личных формах глагола непосредственно выражены те грамматические категории, с которыми объективно связывается предикативность, поэтому глагольные значения лица, времени, наклонения воспринимаются как некие предикативные элементы. Считается даже, что наклонение является главным средством формирования предикативности, так как с его помощью «сообщаемое предстает как реально осуществляющееся во времени (настоящем, прошедшем или будущем), т. е. характеризуется временной определенностью, или же мыслится в плане ирреальности – как возможное, желаемое, должное или требуемое, т. е. характеризуется временной неопределенностью. Дифференциация этих признаков сообщаемого (временная определенность-неопределенность) опирается на противопоставление форм изъявительного наклонения формам ирреальных наклонений» [12, с. 392–393].

С другой стороны, Т. П. Ломтев считает, что предикативность «не представляет собой грамматического факта. Проявлениями предикативности являются не значения лица или времени, а значение истинности или ложности» [6, с. 29]. И далее: «Наклонение считается грамматической категорией глагола. Но вопрос о том, является ли оно грамматической категорией слова или предложения, не обсуждался. Если взвесить те определения, которые даются разным наклонениям, то выясняется, что они характеризуют сообщение, т. е. означаемое предложения, а не означаемое глагола <...>. Значения, приписываемые повелительным, сослагательным и изъявительным глаголам, являются значениями предложения. Эти значения должны рассматриваться как свойства предложения, а не слова» [12, с. 28, 50].

При последовательной реализации любого из этих, на первых взгляд противоположных, подходов неизбежно приходим к пониманию того, что разница между ними не столь существенна, так как предмет разногласий в конечном счете не выводится за пределы грамматики (принадлежит морфологии и синтаксису одновременно). Более того, понимание роли объективной модальности в формировании предложения (а она создается прежде всего формами наклонения, а также при помощи слов, выражающих значение утверждения, возможности, пожелания, приказанья) лишь укрепляют убежденность исследователя в исключительной конструктивной роли личного глагола. Данная двуплановость референтной соотношенности и кажущейся оппозиции придает проблеме реальный объем и позволяет избежать однобокого

(либо только в морфологическом, либо только в синтаксическом разрезе) взгляда на глагольное сказуемое. Ведь анализируя употребление форм слов, мы уже тем самым вступаем в сферу синтаксиса и имеем дело с формой слова как единицей синтаксической [4, с. 97].

Морфологические свойства глагола, обладающего собственной системой средств введения в семантико-синтаксическую сферу предложения, раскрываются и реализуются в полной мере в конструкции предложения и приобретают ярко выраженные синтаксические характеристики. Благодаря грамматической изменяемости глагольное слово как элемент лексики преломляет свои лексические свойства через сочетаемость, раскрывает синтаксические свойства и органически вписывается в предложение, выполняя при этом синтаксическую роль, предписанную ему классификационными свойствами части речи. Глагол, связанный с прочим составом предложения через обязательные и факультативные валентности, заполнение которых дает распространение предикативного ядра предложения, выступает организующим центром предложения и доминирует над прочими его компонентами. Например: *Аполлон Аполлонович открыл дверь кабинета* [9, с. 33]; *открыл* – сказуемое; *открыл* – дверь, *дверь кабинета* – состав сказуемого; *Пронесли стопку хрустящих тарелочек* [9, с. 155]; *пронесли* – стопку, *стопку тарелочек, хрустящих тарелочек* – состав сказуемого; доминирующий элемент построения предложения – глагол, который господствует над всем составом сказуемого (над зависимыми от него дополнениями, определениями и обстоятельствами).

В двусоставном предложении сказуемое формально зависит от подлежащего, сочетаясь с ним в лице и числе, а иногда и в роде. Ср.: *В окне бился куст* [9, с. 269]; подлежащее *куст* требует от сказуемого, способного изменяться, формы, с которой оно грамматически сочетается: третьего лица, единственного числа, мужского рода – *бился*; аналогично в предложении *Казалось, что вовсе стирается парус* [9, с. 269]; *парус* – *стирается*; сочетание подлежащего и сказуемого во множественном числе в исследуемом тексте немногочисленны, что можно отнести к стилеобразующим факторам (действующие в романе герои одиноки и разрозненны; как масса выступают предметы, явления природы): *<...> Зеленоватым роем там неслись облака; они сгущались порою в желтоватый дым, припадающий к взморью <...>* [9, с. 361]; *облака* – *неслись*, *они* – *сгущались*.

Тем самым сказуемое совмещает в себе грамматические категории разных типов – синтагматического (на уровне взаимного подчинения) и парадигматического (общепредложенческого значения времени и модальности). Ср. независимые от форм подлежащего значения времени в приведенных выше предложе-

ниях: *куст* – *бился* (но могло быть и *куст* – *бьется*, *будет биться*), *парус* – *стирается* (но могло быть и *парус* – *стирался*, *будет стираться*), *облака* – *неслись* (но могло быть *облака* – *несутся*, *будут нестись*), *они* – *сгущались* (но могло быть *они* – *сгущаются*, *будут сгущаться*). Подлежащее доминирует с точки зрения формы (задает сказуемому изменяемые формы), а сказуемое – с точки зрения функции.

Сказуемое выступает в качестве дискретного слагаемого стиля писателя [13]. Разного рода повторы морфосинтаксических параметров, которые сами по себе достойны исследовательского внимания, формируют особый синтаксический темп романа, сближающий текст с музыкальным произведением, что свойственно корифею символизма А. Белому. Яркий пример присущей писателю словесной игры такого рода видим, например, в начале главки «Учащались ссоры на улицах»: ¹*Дни стояли туманные, странные: по России на севере проходил мерзлой поступью ядовитый октябрь; а ³на юге развесил он гнилые туманы. ¹*Ядовитый октябрь обдувал золотой лесной шепот, и ²покорно ложился на землю золотой лесной шепот, – и ³покорно ложился на землю шелестящий осинный багрец, ⁴чтобы виться и гнаться у ног прохожего пешехода, и шущукать, сплетая из листьев желто-красные россыпи слов. ¹Та синичья сладкая пискотня, ²что купаются сентябрем в волне лиственной, ¹в волне лиственной не купалась давно: и ³сама синичка теперь сиротливо скакала в черной сети из сучьев, ⁴что как шамканье беззубого старика посылает всю осень свой свист из лесов, голых роц, палисадников, парков.**

¹*Дни стояли туманные, странные; ²ледяной ураган уже приближался клоками туч, оловянных и синих; но ³все верили в весну: ⁴о весне писали газеты, ⁵о весне рассуждали чиновники четвертого класса; ⁶на весну указывал один тогда популярный министр; ⁷ароматом ну прямо-таки первомайских фиалок задышали изливания одной петербургской курсистки* [9, с. 75].

В этом микротексте каждую предикативную часть сложного предложения организует именно глагольное сказуемое, где цепочка форм прошедшего времени несовершенного вида лишь однажды прерывается несколькими инфинитивами, не нарушающими, однако, ритм текста. В то же время в двух абзацах подряд смысловая акцент вызывается анафорическим начальным предложением иной конструкции – со сказуемым другого типа, что не понижает роли глагольных сказуемых как способа межфразовой связи и специального синтаксического средства, а лишь оттеняет их значимость.

Роман А. Белого также изобилует двусоставными предложениями со специфическим сказуемым – нулевым, эллиптическим, которое представлено свер-

нутостью конструкций в высказывании, их неполнотой (по сравнению с полным составом подобных конструкций), обусловленной прежде всего контекстом: *Пролетела карета; с нею же пролетел Аполлон Аполлонович в те сырые пространства; там, оттуда – в ясные дни восходили прекрасно – золотая игла, облака и багровый закат; там, оттуда сегодня – рои грязноватых туманов...* [9, с. 26]; *там* (находится? видна?) *золотая игла, облака и багровый закат; там, оттуда сегодня* (видны? надвигаются?) *рои грязноватых туманов*. Эффект достигается тем, что с целью придать тексту большую выразительность, динамичность один из компонентов высказывания не упоминается, опускается. Эллипсис способствует общей динамике изображаемой сцены, передаче быстрой смены действий, событий, напряженного состояния персонажа. Смысловая ясность фразы с синтаксическим эллипсисом поддерживается смысловым и синтаксическим параллелизмом, который углубляется за счет частотных в тексте романа «Петербург» повторов, особенно повторов простых глагольных сказуемых (примером может служить цитированное выше предложение).

Глагольное сказуемое обычно служит центром особого грамматического состава, куда в качестве зависимого входит именной (в широком смысле) член – обстоятельство или дополнение. При этом характерно, что глагольное сказуемое выделяется только в том случае, если оно самостоятельно – обладает синтаксической (категориальной) и лексической семантикой, отграниченной от аналогичной семантики приглагольного члена. Если же глагольное сказуемое теряет такую семантику, то оно превращается в связку, а зависимый приглагольный член становится предикативным. Утрата указанной семантики характерна для широкого круга глаголов и может проявляться в различной степени. Ср.: *Департамент девятый за ввоз не стоял <...>* [9, с. 12]; *Он стоял теперь в серой, клетчатой паре, подъеденной молью* [9, с. 86]; *На табуретке стоял темно-синий кальянный прибор и трехногая золотая курильница в виде истыканного отверстиями шара с полумесяцем наверху* [9, с. 87]; *стоял* – простое глагольное сказуемое; *Скоро он стоял перед зеркалом весь атласный и красный* [9, с. 52]; *Дни стояли туманные, странные* [9, с. 90]; *стоял атласный и красный, стояли туманные, странные* – составные именные сказуемые, в составе которых полнозначный глагол *стоять* превращается в связку.

В аспекте соотношения формы и содержания в двусоставных предложениях романа А. Белого «Петербург» основным типом глагольного сказуемого является сказуемое, выраженное личным глаголом в морфологической форме, которая продиктована конструкцией предложения: *Громада с соседнего столи-*

ка разгневанно повернулась на них и глядела внимательно [9, с. 210]; *Александр Иванович сострада-*
тельно усмехнулся [9, с. 259]; *В кабинетную комнату*
вскоре заглянул лакей [9, с. 344]; *Сергей Сергеевич*
Лихутин из совершеннейшей тьмы недовольно воз-
высил свой голос [9, с. 358], в том числе и эллиптическое сказуемое: *Ты и сейчас передо мною, как страус* [9, с. 29]; *На ней же ступени – ступени: мягкие, как мозговые извилины* [9, с. 35]; *И опять-таки зала: прекрасная!* [9, с. 35].

Особое внимание обращают на себя конструкции с предидирующей паузой, разделяющей подлежащее и простое глагольное сказуемое в двусоставном предложении: *Этот центр – умозаключал* [9, с. 45]; *Деньги из-за границы – понадобятся* [9, с. 269].

Обильны и важны в тексте глагольные образования, обнаруживающие в большей или меньшей степени связь глагола и междометия: *Но шаги упали, и – бац: хлопнула дверь* [9, с. 359]; *Но француз – шш гу-гу* [9, с. 269].

Наконец, сказуемое может быть выражено глагольно-именным фразеологизмом. В этом случае оно обычно рассматривается как простое глагольное. Ср.: *Углублялся он здесь, перед выездом на службу, в чтении утренней корреспонденции* [9, с. 76]; сказуемое – *углублялся в чтение*.

Для исследователей форм и типов сказуемого особый интерес представляют односоставные глагольные предложения (безличные и инфинитивные).

Безличными традиционно называют односоставные предложения, в которых отсутствует и не может быть восстановлено подлежащее. Об отсутствии выраженного подлежащего в безличных предложениях индоевропейских языков говорит А. Мейе [14, с. 362] и другие исследователи. Вместе с тем предложение с отсутствием подлежащего может иметь субъект, выраженный косвенными падежами – косвенный субъект.

Понятие и термин «косвенный субъект» было предложено Е. С. Истриной [15, с. 98]. Такой субъект не обозначает активно действующее лицо и может быть выражен различными падежными и предложно-падежными формами, среди которых значительное место занимает дательный падеж.

Виды предложений с дательным косвенного субъекта различны в зависимости от семантики сочетаний с предикативным признаком. Отметим, что широко употребительными являются распространенные безличные предложения, при главном члене которых находится дополнение в форме дательного падежа имени существительного или местоимения со значением лица, которое испытывает состояние или производит действие, названное безличным глаголом: *Так мне показалось* [9, с. 41]; *показалось*, простое глагольное сказуемое. Ср.: *Но едва удалось Николаю*

Аполлоновичу сегодня отставить от себя житейские мелочи и пучину всяких невнятных, называемых миром и жизнью, и ²едва Николаю Аполлоновичу удалось взойти к себе самому, ³как невнятность опять ворвалась в мир Николая Аполлоновича... [9, с. 45]; удалось отставить, составное глагольное сказуемое; удалось взойти, составное глагольное сказуемое.

В рассматриваемых безличных предложениях из-за наличия в них логического подлежащего сказуемые формально и семантически аналогичны сказуемым двусоставного подлежащно-сказуемого предложения: они могут быть простыми (глагольными) и составными – глагольными, именными, комбинированными (осложненными составными).

Может показаться, что такой многообразный спектр сказуемых встречается во всех видах односоставных предложений, но изучение односоставных инфинитивных предложений опровергает подобную гипотезу.

При полной функциональной некоррелированности с двусоставными предложениями инфинитивное предложение выражает самую общую семантику безличности через разные аспекты модальных отношений [16]. Часть из них приспособляет независимый инфинитив для передачи отдельных модальных сопровождающих значений, дифференцирующих односоставность и коррелированную двусоставность. Можно сказать, что односоставность в определенных ситуациях является выражением обобщенной модальной семантики волеизъявления (желательной, императивной, побудительной) и вопросительной (преимущественно риторической), но главной формальной особенностью этих предложений является независимый инфинитив в роли сказуемого.

Несмотря на наличие (обязательное или факультативное) различных вспомогательных элементов, главным структурным компонентом в таких предложениях выступает глагол в форме инфинитива, следовательно, сказуемое в односоставном инфинитивном предложении должно быть квалифицировано однозначно – как простое глагольное, причем это касается как самостоятельных простых предложений, так и частей сложных (придаточных, выражающих специфическое поле обстоятельственных значений). Например: *Аполлон Аполлонович не хотел думать далее: непокойные острова – раздавить, раздавить! Приковать их к земле железом огромного моста и проткнуть во всех направлениях проспективными стрелами...* [9, с. 21]; *Здесь, в самом начале, должен я прервать нить моего повествования, чтоб представить читателю методдействие одной драмы.* [9, с. 19]; *раздавить, приковать, представить* – простые глагольные сказуемые в односоставных инфинитивных предложениях.

Относительно таких предложений пояснением может служить замечание В. В. Виноградова, считавшего, что морфологическая категория безличности, свойственная глаголу, будто санкционирует особую форму сказуемого, которая не соотносится с подлежащими [3, с. 261]. Указанные односоставные предложения образуются на основе глаголов разной семантики (составление слóвника этих глаголов на материале романа А. Белого «Петербург» представляется в перспективе весьма плодотворным), в самом общем виде список глаголов можно ограничить семантикой действий, зависящих от волеизъявления говорящего (побуждение к действию, его желательность, целесообразность и т. п.).

Заключение

Сложные и многообразные проявления предикативного признака в разных формах и типах сказуемого в полной мере разворачивают и проявляют свои возможности в пределах целостного текста. По нашим наблюдениям, в романе А. Белого «Петербург» складывается в высшей степени своеобразная система соотношения типов сказуемого. Так, простое глагольное сказуемое активнее обычного, в частности, за счет многочисленных повторов, столь свойственных стилю А. Белого; ошутимо менее обычного представлены составные глагольные сказуемые (они были бы совсем незаметны, если бы их число не увеличивалось за счет форм вежливости, принятых в описываемой среде, вроде *извольте надеть* и т. п.). Реже обычного употребляются и составные именные сказуемые; доля же комбинированных сказуемых ничтожно мала. Причины такого соотношения на настоящем этапе исследования выяснены быть не могут, но это направление анализа представляется нам перспективным. Вопрос о степени соответствия глагольных морфологических категорий категории предикативности и сказуемости также представляется весьма актуальным и может быть решен, по нашему мнению, при условии углубления изысканий в область синтаксиса текста.

Со страниц книг А. Белого звучат мысли, опередившие его время и раскрывающие тайны литературного творчества и поэтического языка. Новаторство Андрея Белого полнее и ярче всего проявилось в его прозе, которая стала новым явлением в русской литературе и словесном искусстве начала XX в. В его творчестве рождалась установка на новый язык – с новыми образами, новыми словами и новым синтаксисом. В ритмизованной прозе А. Белого, воплотившей его мечты о легкости, благозвучии, изяществе, нашли достойное место экспериментаторские находки в области синтаксиса, в частности, в конструировании предложений при помощи тщательно отобранных форм сказуемых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н. С. Теория текста. М. : Логос, 2003. 280 с.
2. Шведова Н. Ю. О значении единиц разных уровней языка // Всесоюз. науч. конф. по теоретическим вопросам языкознания : тез. докл. и сообщ. пленар. заседаний. М., 1974. С. 158–172.
3. Виноградов В. В. Основные вопросы синтаксиса предложения. М. : Наука, 1975. С. 254–294.
4. Шведова Н. Ю. Синтаксическое время // Филологические науки. 1978. № 3. С. 94–108.
5. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М. : Наука, 1982. 368 с.
6. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. 200 с.
7. Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. М., 1986. 299 с.
8. Левицкий Ю. А. Основы теории синтаксиса : учеб. пособие по спецкурсу. М. : Едиториал УРСС, 2002. 67 с.
9. Белый А. Петербург : роман в восьми главах с прологом и эпилогом. М. : Наука, 1981. 696 с.
10. Сатина Т. В. Продуктивность моделей семантических переносов при актуализации образных значений глаголов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 22–26.
11. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М. : Высш. шк., 1976. 143 с.
12. Ляпон М. В. Предикативность // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энциклопедия, 1990. С. 392–393.
13. Белов В. А. Роль актантной структуры в тексте (на материале романа А. Белого «Петербург») // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2011. № 3, т. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-aktantnoj-strukturyv-tekste-na-materiale-romana-a-belogo-peterburg>
14. Мейе А. Общеславянский язык. М. : Изд-во иностранной литературы, 1951. 500 с.
15. Истрина Е. С. Субъект и подлежащее как синтаксические термины // Учен. записки Казах. ун-та. 1946. С. 96–104.
16. Юрченко В. С. Система сказуемого в русском языке // Филологические науки. 1998. № 4. С. 47–55.
3. Vinogradov V. V. *Osnovnye voprosy sintaksisa predlozheniya* [The main issues of the syntax for the]. Moscow: Nauka, 1975. Pp. 254–294.
4. Shvedova N. Yu. *Sintaksicheskoe vremya* [Syntactic time]. In: *Filologicheskie nauki*. 1978. No. 3. Pp. 94–108.
5. Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative aspects of Russian syntax]. Moscow: Nauka, 1982. 368 p.
6. Lomtev T. P. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [A sentence and its grammatical categories]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1972. 200 p.
7. Katsnel'son S. D. *Obshhee i tipologicheskoe yazykoznanie* [General and tipological linguistics]. Moscow, 1986. 299 p.
8. Levitskij Yu. A. *Osnovy teorii sintaksisa: Uchebnoe posobie po spetskursu* [Fundamentals of the theory of syntax: a textbook for the course]. Moscow: Editorial URSS, 2002. 67 p.
9. Belyj A. *Peterburg: Roman v vos'mi glavakh s prologom i ehpilogom* [Petersburg: a novel in eight chapters with a prologue and an epilogue]. Moscow: Nauka, 1981. 696 p.
10. Satina T. V. *Produktivnost' modelej semanticheskikh perenosov pri aktualizatsii obraznykh znachenij glagolov* [Productivity models of semantic shifts, while updating the values of the figurative verbs]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2015. No. 2. Pp. 22–26.
11. Lekant P. A. *Tipy i formy skazuemogo v sovremenom russkom yazyke* [Types and forms of the verb in modern Russian language]. Moscow: Vysshaya shkola, 1976. 143 p.
12. Lyapon M. V. *Predikativnost'* [Predicativity]. In: *Lingvisticheskij ehntsiklopedicheskij slovar'*. Ed. by V. N. Yartseva. Moscow: Sov. ehntsiklopediya, 1990. Pp. 392–393.
13. Belov V. A. *Rol' aktantnoj struktury v tekste (na materiale romana A. Belogo «Peterburg»)*. [The role of the actant structure in the text (based on the novel "Petersburg" by A. Bely)]. In: *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. No. 3, Vol. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-aktantnoj-strukturyv-tekste-na-materiale-romana-a-belogo-peterburg>
14. Meje A. *Obshheslavjanskij yazyk* [Common Slavic language]. Moscow: Izd-vo inostrannoj literatury, 1951. 500 p.
15. Istrina E. S. *Sub"ekt i podlezhashhee kak sintaksicheskie terminy* [Subject and subject as syntactic terms]. In: *Uchenye zapiski Kazakhskogo universiteta*. 1946. Pp. 96–104.
16. Yurchenko V. S. *Sistema skazuemogo v russkom yazyke* [The system of the verb in the Russian language]. In: *Filologicheskie nauki*. 1998. No. 4. Pp. 47–55.

REFERENCES

1. Valgina N. S. *Teoriya teksta* [The theory of the text]. Moscow: Logos, 2003. 280 p.
2. Shvedova N. Yu. *O znachenii edinits raznykh urovnej yazyka* [About the meaning of units of different language levels]. In: *Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya po teoreticheskim voprosam yazykoznanija: Tezisy dokladov i soobshhenij plenarnykh zasedanij*. Moscow, 1974. Pp. 158–172.

Финансовый университет при Правительстве РФ
Сатина Т. В., доцент департамента иностранных
языков и межкультурной коммуникации
E-mail: sattv.75@mail.ru

Поступила в редакцию 8 сентября 2020 г.

Принята к публикации 29 декабря 2020 г.

Для цитирования:

Сатина Т. В. Простое глагольное сказуемое в художественном контексте // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 1. С. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.1/3243>

Financial University under the Government of the
Russian Federation

Satina T. V., Associate Professor of the Foreign Languages and Intercultural Communication Department

E-mail: sattv.75@mail.ru

Received: 8 September 2020

Accepted: 29 December 2020

For citation:

Satina T. V. Simple verbal said in the artistic context. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2021. No. 1. Pp. 97–105. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2021.1/3243>